

Вернон Ли
Уильям Уаймарк Джейкобс
Фрэнк Р. Стоктон
Эллен Глазго
Маркус Кларк

Из жизни призраков

Книга первая

Вернон Ли

Из жизни призраков. Книга первая

«Издательские решения»

Ли В.

Из жизни призраков. Книга первая / В. Ли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902649-1

Потусторонний мир не так далеко, как представляется множеству людей. Во всяком случае, всего-то столетие назад его обитатели нередко являлись даже самым закоренелым скептикам — в полуночный час и при свете дня, в заброшенных домах с дурной репутацией и респектабельных особняках, полных прислуги. Приготовьтесь вслед за героями войти враспахнутые врата между явью и сном!

ISBN 978-5-44-902649-1

© Ли В.

© Издательские решения

Содержание

Золотой век «призрачной» литературы	6
Вернон Ли	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Из жизни призраков

Книга первая

Авторы: Ли Вернон, Джейкобс Уильям Уаймарк, Стоктон Фрэнк Р., Глазго Эллен,
Кларк Маркус

Переводчик Катерина Скобелева

© Вернон Ли, 2018

© Уильям Уаймарк Джейкобс, 2018

© Фрэнк Р. Стоктон, 2018

© Эллен Глазго, 2018

© Маркус Кларк, 2018

© Катерина Скобелева, перевод, 2018

ISBN 978-5-4490-2649-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Золотой век «призрачной» литературы

На рубеже XIX и XX веков англоязычная литература была населена огромнейшим количеством сверхъестественных существ: жанр «рассказа о призраках» переживал небывалый расцвет. Казалось бы, это эпоха научных открытий и технических достижений – не самое подходящее время для суеверий. Но популярность историй о загадочных, необъяснимых явлениях может в значительной степени объясняться именно усталостью от чрезмерного рационализма, а также негативной реакцией на появление материалистических учений, способных подорвать привычную картину мира. Рассказы о привидениях достигли пика популярности в тот период, когда вера во всевозможные чудеса подвергалась нападкам, и в некоторой степени были словом в ее защиту.

Не менее важным фактором в развитии мистической прозы был широкий, все возрастающий интерес к феноменам психики. В конце XIX века писатели, зачарованные теми пугающими силами, что таятся в самых глубинах души, пытались вслед за учеными осмыслить паранормальные явления при помощи новейших достижений медицины и психологии, рассматривая метаморфозы духа и его патологии как в реалистическом ключе, так и в фантастическом.

Рассказы о призраках пользовались спросом у самых различных слоев населения: их читали и в роскошных гостиных, и в бедняцких каморках – не в последнюю очередь благодаря тому, что над созданием подобных произведений трудились настоящие мастера. К их числу относится Вернон Ли. Обладая тонким художественным вкусом и обширными познаниями в области культуры, эта писательница превращала остросюжетную прозу в чтение для интеллектуалов. В повести «Among Dune», представленной в данном сборнике, она исследует темы одержимости и преследования, умело сочетая романтическую мистику и тонкий психологизм.

Не менее виртуозно препарирует человеческие страхи Уильям Джейкобс. Его рассказ «Колодец» вполне реалистичен – и все же окрашен в зловещие тона. В совершенстве владея техникой поддержания читательского интереса и переплетая элементы детектива и триллера, Джейкобс создает напряженную атмосферу тревожного ожидания и ведет повествование к неожиданному, но предопределенному финалу.

В «Письмах из прошлого» Эллен Глазго рассматривается вопрос о том, насколько материальна наша мысль, могут ли наши воспоминания обрести зримую форму. При внимательном прочтении заметны параллели с известным романом Дафны дю Морье «Ребекка», написанным намного позднее и экранизированным Альфредом Хичкоком. Странно, если Дафна дю Морье не читала этот рассказ. Конечно, история о том, как призрак первой жены встает между двумя любящими людьми, обыгрывается у нее иначе, без явной фантастики, но дело не только в сюжете. Поражает сходство в мелочах – вплоть до описания внешности главного героя, напоминающего вельможу со старинного портрета, и мотива неверности первой супруги – вздорной, эгоистичной особы. У Эллен Глазго есть что позаимствовать: нюансы поведения героев, столкнувшихся с потусторонними явлениями, волнуют ее не меньше, чем решение проблемы: как же справиться с мстительным призраком?

Как правило, истории о привидениях построены на сочетании ужаса и тайны и рассказываются самым серьезным тоном, не допускающим сомнений. Тем не менее, и в них порой проскальзывают иронические нотки. К примеру, Фрэнк Р. Стоктон и Маркус Кларк с юмором обыгрывают традиционные истории о призраках, показывая, что в рамках «страшного» жанра есть место не только для жутковатых, но и для забавных ситуаций.

Какими бы ни были вошедшие в этот сборник произведения – романтическими или смешными, фантазмагорическими или похожими на правду, – все они написаны в тот период, который можно назвать «золотым веком» мистической литературы, и несут в себе частицу его

призрачного сияния, позволяя читателям погрузиться в таинственный мир, где все туманно и неоднозначно, где сгущаются тени и сбываются пророчества, а из полуночной мглы выходят нам навстречу обитатели иных измерений.

Катерина Скобелева, переводчик

Вернон Ли

Amour Dure

Отрывки из дневника Спиридона Трепки

Урбания, 20 августа 1885 года. На протяжении многих лет я так жаждал побывать в Италии, встретиться с Прошлым лицом к лицу... Но разве это Италия, разве это История? Я готов был заплакать – да, заплакать! – от разочарования, когда впервые бродил по Риму, и в кармане лежало приглашение отобедать в немецком посольстве, а по пятам за мною шли три или четыре вандала из Берлина и Мюнхена, наперебой рассказывая, где лучше отведать пива с кислую капустой и о чем поведал Моммзен¹ в последней статье.

...Неужто мнится тебе, несчастный Спиридон – поляк, превращенный в педантичного немца, доктор философских наук, даже профессор, автор удостоенного премии эссе о деспотах XV столетия – неужто мнится тебе, что ты, имея служебные письма и оттиски корректуры в кармане черного профессорского сюртука твоего, удостоишься лицемерия самой Истории?

Увы, нет – это непреложная истина! Но пусть она сотрется из памяти, хотя бы на время, как сегодня, когда моя повозка, запряженная белыми волами, медленно ползла по извивам дороги через бесчисленные долины и взбиралась по склонам несчетных холмов, под гудение незримого потока где-то далеко внизу, а вокруг были только серые и красноватые голые скалы – вплоть до городских башен и укреплений позабытой человечеством Урбании на высоком альпийском хребте. Сигильо, Пенна, Фоссомброне, Меркателло – название каждой деревеньки, на которую указывал кучер, вызывало у меня воспоминание о какой-нибудь битве или о вероломном деянии прежних дней. И когда гигантские горные вершины скрыли закатное солнце, а долины наполнились голубоватыми тенями и туманной дымкой, и лишь грозная алая кайма осталась над башнями и куполами горной твердыни, и перезвон урбанийских колоколов плыл над пропастью, я готов был за каждым поворотом дороги увидеть отряд всадников в шлемах с похожими на птичьи клювы забралами и в заостренных стальных башмаках, в сверкающих латах и с флагами, трепещущими на фоне заката. А затем – не более двух часов прошло с тех пор – мы въехали в город, миновав крепостные стены и башни, и повозка покатила по безлюдным улочкам, где одинокие лампы чадили разве что возле какой-нибудь усыпальницы или у фруктовых лавок, да багровый огонь подсвечивал темноту в кузнице... Ах, то была Италия, то было Прошлое!

21 августа. А это – настоящее! Следует вручить четыре рекомендательных письма и в течение часа, преодолевая себя, вести светскую беседу с вице-префектом, членом магистрата, директором архивов и еще одним достойным господином – к нему мой друг Макс определил меня на постой...

22 августа. Провел в архиве почти весь день, а там большую часть времени меня пытал скукой директор оногo: нынче он цитировал комментарии Энея Сильвия² три четверти часа без передышки. От подобных мучений (Можете себе представить ощущения скакуна, запряженного в повозку? Так чувствует себя и поляк, обращенный в прусского профессора) меня спасают лишь долгие прогулки по городу. Он представляет собой скопище высоких темных домов, притулившихся на альпийской вершине, с бегущими вниз длинными узкими улочками,

---

¹ Теодор Моммзен (1817—1903) – немецкий историк.

² Вероятно, Эней Сильвий Пикколомини (1405—1464) – итальянский гуманист, ставший в 1458 г. папой Пием II. Оставил после себя биографию под названием «Комментарии». Рукопись хранится в Ватиканской библиотеке.

похожими на следы мальчишеских саней, а в центре его возвышается строение из красного кирпича, с башенками и зубчатыми крепостными стенами – дворец герцога Оттобуоно, из чьих окон открывается головокружительный, тоскливый вид на океан серых гор.

А здешний народ... Мужчины с черными кустистыми бородами проезжают мимо на лохматых мулах, как разбойники; молодые люди слоняются без дела, опустив головы, точно колоритные *bravo*³ на фресках Синьорелли⁴; волоокие мальчишки хороши собой, как юные Рафаэли⁵; дородные женщины напоминают Мадонну или святую Елизавету – на головах они таскают медные кувшины, а их башмаки на деревянной подошве уверенно ступают по земле. Я стараюсь не разговаривать с этими людьми: боюсь, мои иллюзии развеются.

На углу, напротив прелестного маленького портика Франческо ди Джорджио⁶, – огромная, голубая с красным современная рекламная афиша: на ней ангел спускается с небес, чтобы короновать некоего Элишу Гоу⁷ в благодарность за его превосходные швейные машинки; клерки из префектуры обедают там же, где и я, и во весь голос спорят о политике, о Мингетти⁸, о Кароли⁹, о Тунисе¹⁰, о броненосцах и так далее, орут друг на друга и поют отрывки из «La Fille de Mme Angot»¹¹ – подозреваю, что эту оперетту недавно ставили здесь.

Нет, разговоры с местными жителями были бы, несомненно, опасным экспериментом. Исключением является разве что мой добрый хозяин, синьор *нотарио*¹² Порри: он столь же образован, как и директор архива, а нюхательный табак употребляет в дозах гораздо меньших (или, скорее, стряхивает его крошки с сюртука более тщательно).

Забыл записать (я чувствую потребность в этих заметках и тщетно надеюсь, что в берлинском Вавилоне они однажды помогут мне, как и засушенная оливковая ветвь или тосканская лампа с тремя фитилями на моем столе, воскресить в памяти счастливые дни, проведенные в Италии) ... так вот, я забыл отметить, что живу теперь в доме антиквара. Окно мое выходит на главную улицу, из него открывается вид на портики и навесы ярмарочной площади, где над фонтаном возвышается маленькая колонна, увенчанная статуей Меркурия. Нужно только перегнуться через покрытые трещинками кувшины и кадки, полные нежного базилика, гвоздик и бархатцев, – и я вижу кусочек дворцовой башни и размытый ультрамарин дальних холмов. Задняя стена дома как будто обрывается прямо в крепостной ров, это странное, прямо-таки мрачное местечко; в комнатах полы вымыты до блеска, а на стенах висят полотна Рафаэля, Франчи¹³ и Перуджино¹⁴ – хозяин то и дело утаскивает их в дальние комнаты, если ожидает прихода незнакомцев; кругом – старинные резные стулья, имперские софы, позолоченные свадебные ларцы с гравировкой и буфеты, где хранятся камчатные вышитые ризы, распространяя повсюду древний, затхлый аромат ладана. За всем этим надзирают три незамужние сестры синьора Порри – синьора Серафина, синьора Лодовика и синьора Адальгиза, три Парки¹⁵ во плоти, даже прялки и черные кошки у них есть.

³ Бандиты (итал.)

⁴ Фрески Луки Синьорелли (1445/50—1523) сохранились в Сикстинской капелле в Риме.

⁵ Рафаэль Санти (1483—1520) – итальянский художник эпохи Возрождения.

⁶ Франческо ди Джорджио Мартини (1439—1502) – итальянский зодчий, художник, скульптор.

⁷ Американец Элиша Гоу считается изобретателем швейной машинки, хотя это спорный вопрос.

⁸ Марк Мингетти (1818—1886) – итальянский государственный деятель.

⁹ Кароли (Каройи) – один из известных аристократических родов Венгрии.

¹⁰ После установления французского протектората над Тунисом в 1881 году отношения Италии и Франции резко обострились.

¹¹ «Дочь мадам Анго» (1872) – оперетта французского композитора Шарля Лекока.

¹² Нотариус (итал.)

¹³ Франча (Франческо Райболини, ок. 1450—1517) – итальянский художник и ювелир.

¹⁴ Пьетро Перуджино (наст. фамилия – Ваннуччи, между 1445 и 1452—1523) – итальянский живописец.

¹⁵ В римской мифологии – богини судьбы.

Синьор Асдрубале – так по имени величают моего домовладельца – нотариус по профессии. Он сожалеет о временах папской власти, поскольку кузен у него был пажом кардинала, и верит, что если накрыть стол на двоих, зажечь свечи, сделанные из жира мертвеца, и провести определенный обряд – синьор Асдрубале немного путается в его деталях, – то в ночь накануне Рождества или в одну из подобных мистических ночей можно вызвать дух святого Паскуале¹⁶, и тогда он напишет выигрышные номера лотерейных билетов на перепачканной сажей тарелке – нужно только дать ему две пощечины и трижды произнести «Аве Мария». Сложно лишь добыть жир мертвеца для свечей, а еще – успеть с пощечинами, прежде чем святой улизнет. «Если бы не это, – говорит синьор Асдрубале, – правительство давно запретило бы лотерею... Эх!»

9 сентября. История Урбании не лишена романтики, хотя романтику эту, как обычно, в упор не заметили наши ученые сухари. Еще до приезда сюда я почувствовал, что очарован странной женщиной, сошедшей со страниц здешних немногословных хроник, написанных Гвальтерио и падре де Санктисом. Женщина эта – Медея, дочь Галлеаццо IV Малатесты, владыки Карпи. Сначала она была женой Пьерлуиджи Орсини, герцога Стимильяно, а затем – супругой Гвидальфонсо II, герцога Урбании, предшественника великого герцога Роберта II.

История этой женщины напоминает о Бьянке Капелло¹⁷ и в то же время – о Лукреции Борджиа¹⁸. Она родилась в 1556 году, и в возрасте двенадцати лет ее обручили с кузеном, Малатестой из семейства Римини. Но его родня сильно обнищала, и помолвка была разорвана, а год спустя Медею обещали в жены молодому человеку из рода Пико, и она заочно обвенчалась с ним, едва ей исполнилось четырнадцать. Но этот брак не удовлетворил ее – или отцовское – честолюбие, и заочное венчание под каким-то предлогом признали недействительным, поощрив сватовство герцога Стимильяно, знатного вассала семейства Орсини.

Прежний жених, Джованфранческо Пико, отказался подчиниться такому решению, подал прошение Папе и попытался силой умыкнуть невесту, ведь он любил ее до безумия. Эта юная дама была чудо как хороша, отличалась живостью характера и любезными манерами, как утверждает безымянный хронист. Пико напал на ее паланкин, когда она ехала на отцовскую виллу, и увез девушку в свой замок возле Мирандолы¹⁹, где самым вежливым образом возобновил ухаживания, настаивая, что у него есть право считать ее своей супругой. Но дама улизнула по сплетенной из простыней веревке, спущенной в ров, а Джованфранческо Пико нашли с кинжалом в груди, вонзенным рукою Медеи да Карпи. Он был красивым юношей, всего девятнадцати лет от роду.

Пико упокоился с миром, Папа признал брак с ним недействительным, и Медея да Карпи торжественно обвенчалась с герцогом Стимильяно и поселилась в его владениях неподалеку от Рима.

Два года спустя Пьерлуиджи Орсини был заколот одним из своих грумов в замке Стимильяно, близ Орвието, и подозрение пало на вдову, в особенности потому, что она незамедлительно повелела слугам зарезать убийцу в ее собственной комнате; но прежде он успел заявить, что это Медея подговорила его покончить с хозяином, пообещав в награду свою любовь.

Земля горела под ногами у Медеи да Карпи, так что она бежала в Урбанию и бросилась к ногам герцога Гвидальфонсо II, заявив, что убить грума она приказала лишь для того, чтобы отомстить за свое доброе имя, запятнанное им, и что она абсолютно невиновна в смерти мужа.

---

¹⁶ Паскуале Байон (1540—1592) – в юности был пастухом, затем стал францисканским монахом. Канонизирован в 1690 году.

¹⁷ Герцогиня тосканская (1548—1587).

¹⁸ Лукреция Борджиа (1480—1519) – герцогиня Феррары, покровительница ученых и поэтов, знаменитая бурной личной жизнью.

¹⁹ В настоящее время Мирандола – город-спутник Болоньи.

Невероятная красота вдовой девятнадцатилетней графини совершенно вскружила голову герцогу Урбании. Он заявил, что безоговорочно верит в невиновность Медеи, отказался выдать ее Орсини, родичам покойного супруга, и предоставил ей великолепные покои в левом крыле дворца, в том числе комнату со знаменитым камином, украшенным мраморным изображением Купидона на голубом фоне.

Гвидальфонсо безумно влюбился в прекрасную гостью. Раньше он отличался скромным и кротким нравом, а теперь стал публично унижать свою жену, Маддалену Варано Камеринскую, хотя прежде, несмотря на бездетность, прекрасно ладил с ней; он не только с презрением отнесся к предупреждениям советников и своего сюзерена – Папы, но и зашел так далеко, что стал готовить развод с женой, основываясь якобы на ее безумии. Герцогиня Маддалена, не в силах переносить такое обращение, удалилась в обитель босоногих монахинь в Песаро²⁰ и тихо угасала там, в то время как Медея да Карпи правила во дворце Урбании, стравливая герцога Гвидальфонсо и с могущественными Орсини, которые по-прежнему обвиняли ее в убийстве Стимильяно, и с Варано, родичами оскорбленной герцогини Маддалены, пока в конце концов в 1576 году герцог Урбании внезапно – при весьма подозрительных обстоятельствах – не стал вдовцом и не женился официально на Медее да Карпи два дня спустя после кончины своей несчастной супруги.

Брак был бездетным, но страсть герцога Гвидальфонсо оказалась столь безрассудной, что новая герцогиня уговорила его сделать своим наследником, с большим трудом добившись согласия Папы, маленького Бартоломмео, ее сына от Стимильяно, которого Орсини отказывались признать таковым, утверждая, будто он является отпрыском Джованфранческо Пико – первого мужа Медеи, убитого ею, как она потом говорила, в попытке защитить свою честь. Передать подобным образом герцогство Урбании чужаку, бастарду – значило ущемить явные права кардинала Роберта, младшего брата Гвидальфонсо.

В мае 1579 года герцог Гвидальфонсо скончался, неожиданно и самым таинственным образом, причем Медея запретила кому бы то ни было приближаться к его смертному ложу, чтобы он не раскаялся и не восстановил брата в правах. Герцогиня без промедления провозгласила своего сына герцогом Урбании, а сама стала регентшей и с помощью двух-трех нещепительных молодых людей, в том числе некоего капитана Оливеротто да Нарни – по слухам, ее любовника, захватила бразды правления с необычайной и ужасающей властью, отправила армию против Варано и Орсини, а когда те потерпели поражение при Сигильо – безжалостно истребила всех, кто посмел усомниться в законности ее наследных прав.

Тем временем кардинал Роберт, пренебрегший пасторским одеянием и своими клятвами, посетил Рим, Тоскану, Венецию – да что там, отправился даже к императору и королю Испании в поисках помощи против узурпаторши. За несколько месяцев ему удалось настроить всех против регентства герцогини, и Папа торжественно провозгласил завещание в пользу Бартоломмео Орсини недействительным и благословил истинного наследника, Роберта II, герцога Урбании. Великий герцог Тосканы и венецианцы тайно обещали поддержать Роберта, но только в случае, если он сумеет собственными силами восстановить свои права.

Понемногу, город за городом, герцогство перешло к Роберту, и Медея да Карпи оказалась в окруженной войсками горной цитадели Урбании, точно скорпион в кольце огня (это сравнение принадлежит не мне, а Раффаэлло Гвальтерио, летописцу Роберта II). Но, в отличие от скорпиона, Медея не пожелала свести счеты с жизнью. Просто изумительно, как без денег и союзников она так долго держала врагов в страхе. Гвальтерио приписывает это воздействию ее роковых чар, приведших Пико и Стимильяно к смерти и мгновенно превративших честного Гвидальфонсо в злодея, – настолько сильных, что все ее любовники как один предпочитали умереть за нее, несмотря на неблагодарность этой женщины и наличие счастливого

---

²⁰ Речь идет о женском монашеском ордене босоногих кармелиток, основанном св. Терезой Авильской.

соперника; подобные способности мессер Раффаэлло Гвальтерио со всей очевидностью объясняет связями с нечистой силой.

В конце концов бывший кардинал Роберт добился своего и с триумфом вступил в Урбанию в ноябре 1579 года. Его приход к власти был на редкость мирным и бескровным. Ни один человек не был приговорен к смерти, за исключением Оливеротто да Нарни, поскольку он бросился на новоиспеченного герцога и попытался заколоть его кинжалом, когда тот спешил к дворцу. Капитана убили люди герцога, и последним его выкриком стали слова: «Орсини, Орсини! Медея, Медея! Да здравствует герцог Бартоломмео!» – хотя, говорят, герцогиня обращалась с ним бесчестно. Юного Бартоломмео отправили в Рим к Орсини, а герцогиню со всем уважением препроводили в левое крыло дворца.

Ходят слухи, что она надменно высказала пожелание увидеть нового герцога, но тот покачал головой и, как начитанный священник, процитировал строки о сиренах и Одиссее²¹. Примечательно, что он отказался встретиться с ней и выбежал из своих покоев, когда она прокралась туда тайком.

Несколько месяцев спустя был раскрыт заговор с целью убить герцога Роберта, и его, очевидно, возглавляла Медея. Однако юный Маркантонио Франджипани из Рима даже под жесточайшей пыткой отрицал ее причастность, так что герцог Роберт, стараясь избежать кровопролития, просто перевел герцогиню со своей виллы в Сант-Эльмо в городской монастырь клариссинок²², где охрана присматривала за ней самым тщательным образом. Кажется, что у Медеи не было возможности и дальше плести интриги, поскольку она ни с кем не общалась и никто ее не видел. И все же она исхитрилась послать письмо и свой портрет некому Принцивалле дельи Орделаффи – юноше, которому едва исполнилось девятнадцать лет, из благородного семейства Романьоле. Он немедленно разорвал помолвку с одной из самых красивых девушек Урбании и вскоре предпринял попытку застрелить герцога Роберта, когда тот преклонил колени во время пасхальной мессы.

На сей раз герцог Роберт вознамерился добыть доказательства виновности Медеи. Принцивалле дельи Орделаффи несколько дней не давали еды, затем подвергли жестоким мучениям и, наконец, отлучили от церкви. Прежде чем содрать с него кожу раскаленными клещами и четвертовать, ему предложили заслужить мгновенную смерть. Для этого нужно было дать показания о соучастии герцогини. Исповедник и монахи, собравшиеся на месте казни, площади Сан Романо, молили Медею спасти несчастного, чьи крики достигали ее слуха, и признать свою вину. Медея попросила дозволения выйти на балкон, откуда она могла видеть Принцивалле – и где он мог видеть ее. Она посмотрела холодно и бросила платок бедному, искалеченному созданию. Юноша попросил палачей утереть ему губы этим платком, поцеловал его и крикнул, что Медея невинна. Он умер после нескольких часов пытки.

Все это переполнила чашу терпения даже герцога Роберта. Понимая, что его жизнь постоянно подвергается опасности, пока жива Медея, но не желая вызвать скандал (что-то в нем осталось еще от священника), он заточил Медею в монастырь и, прошу заметить, настоял на условии, что ее будут сопровождать только женщины – две детоубийцы, которым он простил их преступление.

«Сего милосердного князя, – пишет дон Арканджело Заппи в его жизнеописании, опубликованном в 1725 году, – можно обвинить лишь в одном жестоком поступке, еще более гнусном оттого, что сам он носил священный сан, пока Папа не освободил его от принесенной клятвы. Говорят, что он приказал умертвить знаменитую Медею да Карпи: он так опасался ее необычайных чар, способных соблазнить любого мужчину, что не только повелел нанять жен-

---

²¹ В поэме Гомера Одиссей, проплывая мимо острова сирен, приказывает своим спутникам заткнуть уши воском, чтобы не слышать манящего пения, а себя велит привязать к мачте.

²² Клариссинки – женский монашеский орден, учрежденный Кларой Ассизской под влиянием наставника, Франциска Ассизского. Орден назван ее именем.

щин в качестве палачей, но и не допустил к ней священника или монаха и отказал ей в покаянии, хотя в ее каменном сердце, возможно, таилось желание исповедаться».

Такова история Медеи да Карпи, герцогини Стимильяно Орсини, а затем – жены герцога Гвидальфонсо II Урбанского. Ее казнили ровно два столетия и девяносто семь лет назад, в декабре 1582 года, в возрасте всего лишь двадцати восьми лет. Тем не менее, на протяжении столь короткой жизни она успела привести к печальному концу пятерых любовников, от Джованфранческо до Принцивалле дельи Орделаффи.

20 сентября. Город весь в огнях в честь взятия Рима пятнадцать лет назад²³. За исключением синьора Асдрубале, моего домовладельца, – он качает головой, не одобряя Piedmontese²⁴, как он их называет, – все люди здесь *italianissimi*²⁵. Власть Папы Римского сильно угнетала их с тех пор, как Урбания перешла к папскому престолу в 1645 году.

28 сентября. Я некоторое время разыскивал портреты герцогини Медеи. Большинство из них, как мне представляется, уничтожено – возможно, из-за опасения герцога Роберта, что роковая красота Медеи да Карпи даже после ее смерти сыграет с ним злую шутку. Тем не менее, я сумел найти три или четыре. Первая моя удача – миниатюра; в архивах говорят, что именно ее Медея отправила бедняге Принцивалле дельи Орделаффи, дабы вскружить ему голову. Вторая находка – мраморный бюст во дворцовом подвале. Кроме того, я обнаружил большую картину – вероятно, кисти Бароччио²⁶, – изображающую Клеопатру у ног Августа²⁷. В идеализированном образе императора явно видны черты Роберта II: круглая голова, нос немного кривой, коротко подстриженная бородка, приметный шрам – все как обычно, только здесь герцог изображен в древнеримской тоге. Моделью для Клеопатры, как мне кажется, послужила Медея да Карпи, хотя ее трудно узнать в черном парике и восточном одеянии. Она преклонила колени, обнажив грудь, чтобы победитель пронзил ее кинжалом – а в действительности, чтобы увлечь его. Бедняга Август отворачивается, неловко пытаясь отстранить ее.

Все портреты не слишком хороши, кроме разве что миниатюры – это поистине утонченная работа. Она, как и мраморные бюсты, дает представление о том, какой красавицей была эта ужасная женщина. Такой тип внешности высоко ценили во времена Возрождения, и в какой-то степени его обессмертили Жан Гужон²⁸ и французские художники. Лицо формой своей представляет идеальный овал, линия лба несколько более округлая, нежели допускают каноны красоты, мелкие локоны похожи на золотое руно, нос – с горбинкой, тоже слишком явной; низковатые скулы; изысканный изгиб бровей; глаза серые, огромные, навывкате, а веки чуть прищурены; губы изумительно алые и нежные, но чересчур плотно поджаты. Эти глаза с прищуром и узкие губы, как ни странно, придают Медее изысканный, загадочный вид – соблазнительный, но зловещий; похоже, эта женщина привыкла брать, ничего не давая взамен. По-детски капризный ротик, кажется, способен высосать всю кровь. Кожа – лилейно-белая, огненно-рыжие волосы, украшенные жемчужинами, тщательно завиты и уложены – вылитая Аретуза²⁹. Это странная красота, на первый взгляд – вычурная и неестественная, чувственная, но холодная. Однако чем дольше созерцаешь ее, тем более она врзается в память, заполняя все мысли.

²³ 20 сентября 1870 г. войска Виктора Эммануила, первого короля объединенной Италии, заняли Рим

²⁴ Пьемонтцы (итал.): армия сардинского (пьемонтского) короля Карла Альберта (а затем его наследника – Виктора Эммануила) принимала участие в войне за освобождение Италии от австрийского господства.

²⁵ Здесь: итальянские патриоты (итал.)

²⁶ Федерико Бароччио (настоящая фамилия – Фиори, 1528—1612) – итальянский живописец.

²⁷ Август (63 до н.э. – 14 н.э.; до 27 г. до н.э. – Октавиан) – римский император.

²⁸ Жан Гужон (ок. 1510 – ок. 1568) – французский скульптор эпохи Возрождения.

²⁹ Аретуза в греческой мифологии – nereida, нимфа источников.

Изящную, лебединую шею Медеи обвивает золотая цепочка с пластиночками ромбовидной формы, на которых выгравирован девиз-каламбур (согласно французской моде того времени): «Amour Dure – Dure Amour». Тот же девиз начертан под самим портретом – благодаря ему я и сумел с точностью установить, что это изображение Медеи да Карпи.

Я часто гляжу с тоской на эти портреты, гадая, как выглядела Медея, когда говорила, улыбалась – или в тот миг, когда вела своих жертв через любовь к смерти... «Amour Dure – Dure Amour»... «Любовь жестока – любовь навеки»... Это правда, если вспомнить верность ее любовников – и трагическую участь, постигшую их.

13 октября. В эти дни у меня буквально не было ни одной свободной минуты, чтобы написать хоть строчку в дневнике. Все утро я проводил в архивах, а послеполуденные часы занимали долгие прогулки... Кстати, следует рассказать, пожалуй, что сегодня я наткнулся в анонимном жизнеописании герцога Роберта, подписанном инициалами М.С., на любопытное обстоятельство в его биографии. Когда Антонио Тасси, ученик Джанболоньи³⁰, возвел на площади Корте конную статую этого князя, тот приказал – по словам моего М.С. – тайно изготовить серебряную статуэтку своего гения или ангела («*familiaris ejus angelus seu genius, quod a vulgo dicitur idolino*»), и эту заговоренную астрологами фигурку («*ab astrologis quibusdam ritibus sacrato*») замуровали в статуе, созданной Тасси, дабы, как утверждает М.С., душа герцога Роберта покоилась с миром до самого Воскресения. Забавный отрывочек, и по мне так немного странный. Как может душа герцога Роберта дожидаться Судного дня, если он, как подобает католику, обязан был верить, что она должна, расставшись с телом, отправиться в чистилище? Или это полуязыческие сказки времен Возрождения? – удивительно, что бывший кардинал в них верил. С помощью ангела-хранителя и определенных магических ритуалов («*ab astrologis sacrato*», как говорит М.С., описывая маленького идола) будто бы возможно сделать так, чтобы душа не отправилась после смерти в мир иной, а почивала в теле до наступления Судного дня. Сознаюсь, эта история меня обескуражила. Любопытно, существовал ли этот идол в действительности – и сохранился ли он до наших дней в бронзовой конной статуе на площади?

20 октября. В последнее время я частенько общался с сыном вице-префекта, любезным юношей с томным выражением лица. Он живо интересуется археологией, а также историей Урбании, несмотря на полное невежество в этой области. Этот молодой человек жил в Сиене и Лукке, пока его отца не перевели сюда, он носит длинные и чрезмерно зауженные брюки – в них едва можно согнуть колени, – тугий накрахмаленный воротничок, монокль и пару новеньких лайковых перчаток в нагрудном кармане сюртука. О родной Урбании отзывается так, как говорил бы о понтийской ссылке Овидий³¹, и сетует – надо признать, с полным правом – на варварскую необразованность молодого поколения, на тех невоспитанных чиновников, что обедают в одной харчевне со мной и все время вопят как умалишенные и горланят песни, а также – на дворян, без кучера управляющих двуколками, да еще в расстегнутых рубашках, словно они жаждут показать всем прелести своего декольте, как леди на балу.

Этот юноша частенько развлекает меня рассказами о своих *amogì* – прежних, нынешних и будущих – и наверняка считает странным, что мне в ответ нечего поведать ему; он указывает на хорошеньких – или уродливых – служаночек и белошвеек, когда мы идем по улице, тяжело вздыхает или поет фальцетом вслед каждой более-менее молоденькой женщине. В конце концов он даже привел меня в апартаменты своей зазнобы, дородной графини: у нее черные усики,

---

³⁰ Джанболонья (1529—1608) – итальянский скульптор, фламандец по происхождению.

³¹ Овидий (Публий Овидий Назон, 43 до н.э. – ок. 18 н.э.) – римский поэт. В конце жизни, в изгнании, написал «Скорбные элегии» и «Письма с Понта».

а голос как у торговки рыбой. Здесь, говорит он, я встречу высшее общество Урбании и немало прекрасных женщин – увы, слишком красивых для него!

Моему взору предстали три огромных, скудно обставленных зала с голыми каменными полами, керосиновыми лампами и отвратительнейшими картинами на стенах, выкрашенных голубой и желтой краской слишком насыщенного оттенка. Каждый вечер здесь собирались дамы и молодые люди, рассаживались в кружок и пересказывали друг другу новости годичной давности. Девушки помоложе, разряженные в яркие зеленые и желтые платья, прятались за веерами, а бравые взъерошенные офицеры нашептывали им милые глупости. И мой друг вообразил, будто я могу влюбиться в одну из этих женщин! Напрасно я надеялся, что подадут чай или ужин, и, не дождавшись, сбежал домой с твердым намерением больше не предпринимать попыток свести знакомство с представителями высшего света Урбании.

Это правда, что у меня нет *amori*, хотя мой друг и не верит. Когда я впервые приехал в Италию, я искал романтических приключений, вздыхал, как Гете в Риме: не откроется ли окошко и не явится ли чудное создание, «*welch mich versengend erquicket*»³². Возможно, все дело в том, что Гете был немцем и привык к дебелим немецким *фрау*, а я, в конце концов, поляк – и у меня совсем иные представления о прекрасной половине человечества.

Как бы то ни было, несмотря на усиленные поиски, я не нашел в Риме, Флоренции или Сиене женщины, способной свести меня с ума: ни среди дам, болтающих на скверном французском, ни среди простолюдинок, проникательных и хладнокровных, как ростовщики; поэтому я сторонюсь громкоголосых, безвкусно одетых итальянок. Я обручен с Историей, с Прошлым, моя жизнь посвящена женщинам, подобным Лукреции Борджиа, Виттории Аккорамбони³³ – или, в данный момент, Медее да Карпи; однажды я, возможно, и встречу *grand passion*³⁴ и буду готов донкихотствовать во имя этой красавицы, как и подобает поляку, пить из ее туфельки и умереть по ее прихоти... но не здесь! Немного меня так удручает, как падение итальянских женщин. Где нынче Фаустины³⁵, Марозии³⁶, Бьянки Капелло? Где отыскать новую Медее да Карпи? – сознаюсь, ее образ преследует меня. Если бы только встретить женщину столь дивной красоты, с таким сильным характером – будь это возможным, я верю, что мог бы любить ее до самого Судного дня, подобно Оливеротто да Нарни, Франджипани или Принцивалле.

27 октября. Хороши мечты у профессора, ученого человека! Я всегда считал несерьезными мальчишками молодых римских художников, поскольку они любят устраивать грубоватые розыгрыши и орут песни во все горло, возвращаясь ночными улицами из «Caffe Greco» или погребка на *via Palombella*. Но разве я не ребячлив – несчастный меланхолик, прозванный Гамлетом и Рыцарем Печального Образа?

5 ноября. Не могу отрешиться от мыслей о Медее да Карпи. Во время прогулок, утренних визитов в архивы и одиноких вечеров я ловлю себя на том, что думаю об этой женщине. Неужели я становлюсь беллетристом, а не историком? И все же мне кажется, что я хорошо понимаю ее – намного лучше, чем позволяют факты. Для начала нужно отбросить четкие современные представления о хорошем и дурном – они не существуют для таких созданий, как Медее. Попробуйте прочесть могучей тигрице проповедь о добре и зле, любезный сэр! И все же есть ли на свете более благородное существо? Как она собирается перед прыжком, точно сжа-

---

³² «... что меня усладит, обжигая огнем» (нем. – строчка из «Римских элегий» Иоганна Вольфганга Гете).

³³ Виттория Аккорамбони (1557—1585) – знатная красавица, вышедшая замуж за убийцу своего мужа.

³⁴ Великую страсть (франц.)

³⁵ Фаустина Старшая (105—141) – обожествленная после смерти римская императрица, жена Антония Пия. Ее дочь Фаустина стала женой Марка Аврелия.

³⁶ Марозия (880—954) – дочь римского сенатора, отличавшаяся необыкновенной красотой.

тая стальная пружина! Как ступает величавой походкой, или потягивается, или вылизывает бархатистую шерсть, или смыкает мощные челюсти на шее жертвы!

Да, я могу понять Медею. Представьте женщину необычайной красоты, смелую, наделенную многими талантами и знаниями, воспитанную в кукольном отцовском княжестве на книгах Тацита и Саллюстия³⁷, на историях о великих Малатеста³⁸, о Чезаре Борджиа³⁹ и прочих титанах! – представьте женщину, которая мечтала лишь о власти и могуществе, вообразите ее накануне венчания с таким могущественным человеком, как герцог Стимильяно, когда на нее предъявил права ничтожный Пико, по-разбойничьи увез и заключил в свой наследный замок, а ей оставалось только поневоле принять как великую честь пылкую любовь юного дурачка! Этот щенок – или, если пожелаете, герой – имел наглость обращаться с Медеей, словно с деревенской простушкой! Одна лишь мысль о насилии над такой женщиной кажется отвратительным надругательством! Но если Пико захотел поиграть с огнем – обнять Медею, рискуя встретить острый стальной клинок в ее объятьях, – что ж, он получил по заслугам...

Медея все-таки вышла замуж за своего Орсини. Стоит заметить, что это была свадьба старого солдата на пятом десятке и шестнадцатилетней девушки. Вообразите, что это означает: высокомерная девица становится рабыней, ей грубо дают понять, что от нее ждут рождения наследника, а не советов по управлению княжеством; что ей не следует спрашивать «почему так, а не иначе», что она должна угождать советникам, военачальникам и любовницам герцога. При малейшем намеке на непокорность ее ждет брань, а то и побои; при малейшем подозрении в неверности ее задушат, уморят голодом или сгноят в темнице. Представьте, что ей становится известно: мужу взбрело в голову, будто она слишком часто обращает взоры на того или иного юношу, а может – один из его лейтенантов или одна из его женщин нашептали ему, что маленький Бартоломмео, возможно, вовсе не его отпрыск. Представьте, что она знает: нужно погубить мужа или погибнуть самой. И вот она убивает его или наносит удар чужими руками. Какой ценой? Ей пришлось пообещать свою любовь груму, сыну простолюдина! Этот пес, наверное, сошел с ума или был пьян, если вообразил, что такой союз возможен – он достоин смерти за столь чудовищные мысли! А он еще осмеливается распускать язык! Медея снова вынуждена защищать свою честь. Если она сумела справиться с Пико, сможет заколоть и этого мальчишку – или приказать, чтобы его закололи.

Преследуемая родичами мужа, она бежит в Урбанию. Герцог безумно влюбляется в Медею, как и всякий мужчина, и отвергает жену; скажем более того – разбивает ей сердце. Виновна ли в этом Медея? Виновна ли она в том, что колеса ее кареты сокрушают те камни, что попались на пути? Разумеется, нет. Вы полагаете, будто женщина, подобная Медее, хоть немного желает зла несчастной, малодушной герцогине Маддалене? Отнюдь, она просто не замечает ее. Подозревать Медею в жестокости так же нелепо, как и называть ее аморальной. Ей суждено рано или поздно восторжествовать над врагами, чтобы их прежняя победа обернулась поражением, благодаря ее чудесной способности покорять мужчин: всякий, кто увидел Медею, становится ее рабом и обречен на гибель. Ее любовники, за исключением герцога Гвидальфонсо, умерли не своей смертью, но это справедливо. Обладание такой женщиной – слишком большое наслаждение для смертного. Тут поневоле закружится голова, и ты начнешь воспринимать все как должное. Но беда грозит тому, кто вообразит, будто имеет полное право на любовь Медеи да Карпи – это похоже на святотатство. Только смерть, готовность заплатить жизнью за свое счастье может сделать мужчину достойным Медеи. Он должен жаждать и любви, и страдания, и смерти. Вот значение девиза «Amour Dure – Dure Amour». Любовь

---

³⁷ Тацит (ок. 58 – ок. 117), Саллюстий (86 – ок. 35 до н.э.) – римские историки.

³⁸ Род, правивший в Римини (Италия) с конца XIII в. по 1528 г.

³⁹ Чезаре Борджиа (1478—1507) – сын папы Александра VI.

Медее да Карпи, безжалостная даже в своем постоянстве, может померкнуть только со смертью избранника.

11 ноября. Я был прав, абсолютно прав в своих предположениях. Мне удалось обнаружить... О радость! Я от полноты счастья даже пригласил сына вице-префекта на обед из пяти блюд в Trattoria La Stella d'Italia⁴⁰... мне удалось обнаружить в архивах стопку писем – разумеется, не замеченных директором. Это письма герцога Роберта о Медее да Карпи и деловые послания самой Медее! Они написаны в те времена, когда она вертела, как хотела, бедным слабаком Гвидальфонсо. Да, почерк определенно принадлежит ей – округлые, ученические буквы, много сокращений, точно у греков, как и приличествует образованной княгине, знакомой с произведениями и Платона⁴¹, и Петрарки⁴². Содержание писем не представляет особого интереса, это всего лишь черновики – их переписывал набело секретарь. Но мнится мне, что разрозненные клочки бумаги сохранили дивный аромат женских волос...

Несколько записей о судьбе герцога Роберта выставляют его в новом свете. Хитроумный, хладнокровный святоша, оказывается, дрожал от одной мысли о Медее – «la pessima Medea»⁴³. По его мнению, она ужаснее своей колхидской тезки⁴⁴. Милосердие и долготерпение Роберта по отношению к Медее объясняются всего лишь тем, что он боялся расправиться с ней, словно она – сверхъестественное существо. Он бы с радостью спалил ее на костре, как ведьму. Своему близкому другу в Риме, кардиналу Сансеверино, он написал немало писем о многочисленных предосторожностях, которые он предпринимал, пока Медее была жива. Он носил кольчугу под одеждой, пил молоко, только если корову подоили в его присутствии, бросал собаке кусочки пищи со своего стола, опасаясь отравы, приказывал убрать восковые свечи со странным, подозрительным запахом, отказывался ездить верхом – вдруг кто-то испугает лошадь, и он свернет себе шею.

После всех этих мучений, когда Медее вот уже два года покоилась в могиле, он написал своему приятелю, что не желал бы встретиться с духом Медее после смерти и все надежды возлагает на гениальное изобретение своего астролога и поверенного, капуцина фра Гауденцио, с чьей помощью его душе уготован покой до тех пор, пока «злая Медее наконец не отправится в ад, где ее ждут озера кипящей смолы и каиновы льды, описанные нашим бессмертным поэтом»⁴⁵. Старый всезнайка!

Вот и нашлось объяснение, почему герцог приказал заключить серебряный идол в статую, изваянную Тасси. Пока статуэтка цела, душа его будет поживать в своем теле до самого Судного дня. Роберт пребывал в полном убеждении, что уж тогда-то Медее получит сполна за свои преступления, а он сам отправится прямо в рай – о, благородный муж! Подумать только, две недели назад я считал этого человека героем. О-о, мой дорогой герцог, я распишу вас как следует в своей книге, и ни один серебряный идол не поможет: читатели всласть посмеются над вами.

15 ноября. Как странно! Этот дурачок, сын вице-префекта, в сотый раз услышав мои разглагольствования о Медее да Карпи, внезапно вспомнил, что в детстве, когда он жил в Урбании, нянька пугала его тем, что придет, мол, мадонна Медее, примчится по небу на черном козле. Герцогиня Медее превратилась в этакую буку для непослушных мальчишек!

---

⁴⁰ Харчевня «Звезда Италии» (итал.)

⁴¹ Платон (428 или 427 – 348 или 347 до н.э.) – древнегреческий философ.

⁴² Франческо Петрарка (1304—1374) – итальянский поэт эпохи Возрождения.

⁴³ Pessimo (итал.) – плохой, отвратительный, мерзкий.

⁴⁴ Медее в греческой мифологии – жестокая волшебница, дочь царя Колхиды, которая помогла аргонавту Ясону раздобыть золотое руно.

⁴⁵ В поэме Данте Алигьери «Божественная комедия» ледяная Каина в девятом круге ада – область, где мучаются предатели.

20 ноября. Я странствовал вместе с профессором средневековой истории, показывая ему окрестности. В том числе поехали мы и в Рокка Сант-Эльмо, посмотреть на бывшую виллу герцогов Урбании – виллу, где Медея пребывала в заточении с того момента, как Роберт II выступил во владение герцогством и вплоть до заговора Маркантонио Франджипани: после этого ее немедленно перевели в отдаленный женский монастырь.

Мы проделали долгий путь по совершенно пустынным долинам Апеннинских гор, несказанно мрачным... Узкие кромки дубовых рощиц окрашены в красно-коричневые тона, крохотные участки травы покрыты инеем, последние немногочисленные листья тополей желтеют над бурными пенными потоками, под морозным дуновением трамонтаны⁴⁶, а горные вершины укрыты серыми облаками... Завтра, если ветер не утихнет, мы увидим их – закругленные снежные шапки на фоне голубого неба. Сант-Эльмо – это разнесчастная деревушка на высоком горном хребте в Апеннинах, откуда итальянцев уже вытеснили северные соседи. Путь туда лежит через нагие каштановые леса – они тянутся миля за милей, и запах размокших прелых листьев витает в воздухе, а из пропасти доносится рев потока, переполненного ноябрьскими дождями. Возле аббатства Валломброза каштановые рощи сменяет густой темный ельник. Затем открываются просторы лугов, со всех сторон продуваемые ветрами. Дикие скалы, покрытые недавно выпавшим снегом, уже совсем близко. А на склоне холма высится герцогская вилла Сант-Эльмо, большое квадратное строение из темного камня. Окна забраны решетками, полукружья лестниц ведут к парадному входу с каменным гербом, а с обеих сторон стоят на страже сучковатые лиственницы. Теперь виллу сдают хозяину здешних лесов, и он сделал ее хранилищем для каштанов, хвороста и угля, которые охотно разбирают соседи.

Мы привязали поводья лошадей к железным кольцам и вошли. В доме была только старуха с растрепанными волосами. Эта вилла – бывший охотничий домик, построенный примерно в 1530 году для Оттобуоно IV, отца герцогов Гвидальфонсо и Роберта. В некоторых комнатах когда-то были фрески и дубовые резные панели, но все они не сохранились. Лишь в одном из залов уцелел большой мраморный камин – точно такой же, как во дворце Урбании, с великолепным изваянием Купидона на синем фоне. Грациозный нагой мальчик держит в руках две вазы: в одной – гвоздики, в другой – розы. Но в комнате запустение, повсюду валяются вязанки хвороста...

Мы возвратились домой поздно, профессор пребывал в чрезвычайно дурном расположении духа из-за того, что поездка оказалась бесплодной. В каштановой роще нас застигла метель. Снег медленно падал, укрывая белой пеленой землю и деревья, и благодаря этому зрелищу я словно вернулся в Познань, где провел детские годы, и снова стал мальчишкой. Я пел и кричал, чем привел в ужас своего спутника. Если слух об этой выходке дойдет до Берлина, дело обернется против меня. Историк двадцати четырех лет орет и горланит песни – в то время, как его сотоварищ проклинает снег и плохие дороги!

Ночью я не мог уснуть, глядя на тлеющие угли и размышляя о Медее да Карпи, заточенной зимою в одиночестве Сант-Эльмо, под стоны елей, под рев бурана, когда всюду падает снег, а на многие мили вокруг нет ни единой живой души. Мне чудилось, что я видел все это наяву, что я каким-то образом превратился в Маркантонио Франджипани, пришедшего освободить ее, – или то был Принцивалле дельи Орделаффи? Полагаю, всему виной – долгий путь, необычное ощущение от покалывающих лицо снежинок или, возможно, пунш, выпитый после обеда по настоянию профессора.

23 ноября. Хвала Господу, баварский умник наконец-то уехал! За эти дни, что он провел здесь, я чуть было не сошел с ума. Рассуждая о своей работе, я однажды поведал ему о своих

---

⁴⁶ Холодный ветер, дующий с гор.

изысканиях насчет Медеи да Карпи, а он удостоил меня ответом, что такие истории – не редкость в мифопоэтике Ренессанса (старый идиот!) и что тщательное исследование опровергнет большую их часть, как случилось с весьма распространенными легендами о Борджиа и прочих знаменитых личностях, а кроме того, обрисованный мною образ женщины психологически и физиологически неправдоподобен...

24 ноября. Не могу нарадоваться, что избавился от этого глупца; я был готов задушить его всякий раз, как он заговаривал о Даме моего сердца – ибо таковой она стала, – называя ее *Метеей*. Мерзкое животное!

30 ноября. Я потрясен до глубины души тем, что сейчас случилось; начинаю опасаться, не был ли прав старый ворчун, утверждая, что не стоит мне жить одному в чужой стране – мол, это вредно для психики. Сам удивляюсь, отчего я пришел в такое взбудораженное состояние из-за случайно найденного портрета женщины, умершей три столетия тому назад. Учитывая происшествие с дядей Ладисласом и другие примеры помешательства в моей семье, мне бы поистине следовало избегать волнения из-за таких пустяков.

И все же случай действительно вышел драматический, жуткий. Я готов был поклясться, что знаю все картины во дворце, в особенности – портреты Медеи. Тем не менее, нынче утром, покидая архив, я прошел через одну из многочисленных маленьких комнат – несимметричных чуланчиков, разбросанных по этому необычному зданию с башенками, как во французском *chateau*⁴⁷. Наверняка я бывал здесь раньше, поскольку вид из окна казался знакомым: вот приметная пузатая башенка, кипарис на противоположной стороне рва, колокольня за ним и преисполненные покоя очертания покрытых снегом вершин Монте Сант-Агата и Леонесса на фоне неба. Полагаю, во дворце есть смежные комнаты-близнецы, и я попал во вторую, хотя мой путь всегда пролегал через первую. Или, возможно, кто-то сдвинул ширму или отдернул полог...

Когда я направлялся к выходу, мое внимание привлекла очень красивая рама старинного зеркала, встроенного в мозаичную стену желто-коричневых тонов. Я приблизился и, разглядывая раму, механически взглянул и на зеркальную поверхность. О ужас! Я чуть не вскрикнул! Мне показалось... к счастью, мюнхенский профессор, озабоченный моим душевным здоровьем, благополучно уехал из Урбании и не узнает об этом... За моим плечом кто-то стоял, чье-то лицо склонялось к моему... Это была она, она! Медея да Карпи!

Я резко повернулся – полагаю, бледный как призрак, которого ожидал увидеть. На противоположной стене, в двух шагах от меня, висел портрет. И какой портрет! – Бронзино⁴⁸ никогда не удавалась работа лучше этой. На резком темно-голубом фоне изображена герцогиня – да, то была Медея, настоящая Медея, и черты ее казались в тысячу раз более живыми, чем на прочих портретах: в них чувствовались ее индивидуальность и сила.

На этой картине она сидит, застыв, в кресле с высокой спинкой, скованная почти до неподвижности парчовыми юбками и корсетом с нитями мелкого жемчуга и вышитыми серебром растительными узорами. Платье серебристо-серое, с вкраплениями необычного приглушенно-красного цвета, грешного макового оттенка, и на этом фоне особенно выделяется белизна рук с узкими запястьями и удлиненными пальчиками, похожими на бахрому этого наряда. Длинная, тонкая шея, не прикрытый волосами алебастровый, округлый лоб. Лицо – точно такое, как на других портретах: похожие на золотое руно рыжеватые локоны, пленительно изогнутые тонкие брови, немного сощуренные веки, слегка поджатые губы... Но точностью линий, ослепительным сиянием белой кожи и живостью взгляда этот портрет неизмеримо превосходит все остальные.

---

⁴⁷ Замке (франц.)

⁴⁸ Анджело Бронзино (1503—1572) – итальянский живописец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.